

Научная статья

УДК 930.25+821.161.1

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5503

**«...Когда мы в ожидании дальнейшей участи сидели в остроге»:
Достоевский в Тобольске 9–20 января 1850 г.**

Е. Д. Маскевич¹, Б. Н. Тихомиров² ✉

¹ *Российский государственный исторический архив (РГИА)
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

e-mail: spb-collects@yandex.ru

² *Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

e-mail: btikhomirov@rambler.ru ✉

Аннотация. В статье с привлечением новых архивных материалов, дополненных критическим анализом существующих печатных источников, рассмотрены двенадцать дней пребывания Достоевского в тобольской пересыльной тюрьме с 9 по 20 января 1850 г. В центре внимания авторов свидание декабристок (Н. Д. Фонвизиной, П. Е. Анненковой и др.) с петрашевцами в квартире смотрителя Тобольского тюремного замка. По архивным источникам опубликован ряд документов, в которых фигурирует фамилия смотрителя острога (Иван Гаврилович Корепанов), по формулярному списку приведены биографические сведения об этом лице, которые дополнены свидетельствами мемуаристов. В свете новых данных сделан ряд важных уточнений в представлении о том, как проходило свидание в квартире И. Г. Корепанова. Развивая наблюдение В. Н. Захарова о том, что в подробном описании этой сцены, представленном в письме Н. Д. Фонвизиной, отсутствует упоминание о передаче петрашевцам Евангелий, авторами статьи приведены биографические сведения о жандармском капитане Александре Смалькове (Смолькове), который и выполнил по поручению Н. Д. Фонвизиной эту миссию — вручил Достоевскому и его товарищам по экземпляру Нового Завета, показав, как извлекать из переплета заклеенные в нем деньги и как прятать обратно. Приведены наблюдения, подтверждающие предположение о том, что именно при помощи Смалькова Н. Д. Фонвизина и М. Д. Францева договорились с жандармами Короленко и Насоновым, сопровождавшими Достоевского и Дурова в Омск, о свидании с петрашевцами на зимней дороге, в 8 верстах от Тобольска, и о передаче письма И. В. Ждан-Пушкину с просьбой о помощи сыльным по их прибытии в Омский острог.

Ключевые слова: Достоевский, Тобольск, Новый Завет, смотритель острога Корепанов, декабристы, Фонвизина, Францева, жандарм Смальков

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90019 Достоевский («Нерешенные вопросы научной биографии Ф. М. Достоевского: новые печатные и архивные источники»).

Для цитирования: Маскевич Е. Д., Тихомиров Б. Н. «...Когда мы в ожидании дальнейшей участи сидели в остроге»: Достоевский в Тобольске 9–20 января 1850 г. // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 3. С. 5–30. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5503

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5503

“...As We Were Awaiting Our Future Fate in Prison”: Dostoevsky in Tobolsk on January 9—20, 1850

Ekaterina D. Maskevich ¹, Boris N. Tikhomirov ²✉

¹ *The Russian State Historical Archive
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: spb-collects@yandex.ru

² *The F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum in St. Petersburg
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: btikhomirov@rambler.ru ✉

Abstract. The article uses new archival materials, supplemented by a critical analysis of existing printed sources, to analyze Dostoevsky’s 12-day stay in the Tobolsk transit prison on January 9–20, 1850. The authors focus on the meeting of the Decembrists’ wives (N. D. Fonvizina, P. E. Annenkova, etc.) with the Petrashevites in the apartment of the caretaker of the Tobolsk prison castle. According to archival sources, a number of documents that state the name of the prison warden (Ivan Gavrilovich Korepanov) have been published, and his biographical information is provided according to the form list, supplemented by the testimonies of memoirists. In the light of the new data, a number of important clarifications were made to the narrative of the meeting in the apartment of I. G. Korepanov. V. N. Zakharov observed that there is no mention of the transfer of the Gospels to the Petrashevites in the detailed description of this scene, presented in the letter by N. D. Fonvizina. The authors further develop this observation, providing biographical information about the gendarme captain Alexander Smalkov (Smolkov), who performed this mission on behalf of N. D. Fonvizina, by handing Dostoevsky and his comrades copies of the New Testament, and showing how to extract the money glued inside it from the binding and how to hide it again. They cite observations that confirm the assumption that Smalkov assisted N. D. Fonvizina and M. D. Frantseva to negotiate with gendarmes Korolenko and Nasonov. The latter two accompanied Dostoevsky and Durov to Omsk, and arranged for them to meet with the Petrashevites on the winter road, 8 versts from Tobolsk, and to send a letter to I. V. Zhdan-Pushkin asking for help for the exiles upon their arrival in the Omsk prison.

Keywords: Dostoevsky, Tobolsk, the New Testament, prison warden Korepanov, the Decembrists, Fonvizina, Frantseva, gendarme Smalkov

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR according to the research project no. 18-012-90019 Dostoevsky.

For citation: Maskevich E. D., Tikhomirov B. N. “...As We Were Awaiting Our Future Fate in Prison”: Dostoevsky in Tobolsk on January 9–20, 1850. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 3, pp. 5–30. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5381 (In Russ.)

---

24 декабря 1849 г., в Рождественский сочельник, ровно в девять часов вечера (очевидец свидетельствует, что на колокольне как раз проиграли куранты¹⁾), раскрылись ворота Петропавловской крепости и из них одни за другими выехали четверо саней. В первых санях ехал фельдъегерь Кузьма Прокофьевич Прокофьев, в остальных — трое политических преступников — Сергей Дуров, Иван Ястржембский и Федор Достоевский, каждый с сопровождающим жандармом. Путь предстоял долгий — в Сибирь, в Тобольскую пересыльную тюрьму.

Их везли пятнадцать дней, все Святки прошли в дороге. Мороз доходил до 40 градусов Реомюра²⁾. Путники промерзли до костей. Спасибо фельдъегерю Прокофьеву, который на одной из станций, когда меняли лошадей, пересадил заключенных в закрытые сани. На шестнадцатый день пути, 9 января, въехали в Тобольск. Проехали в нагорную часть города, где стоял Тюремный замок и располагалась каторжная пересылка. Куда отправят дальше, будет решаться именно здесь.

Остановились у подъезда большого каменного здания, еще не совершенно отстроенного. Для новоприбывших арестантов всё было ново. Но бывалый старик-фельдъегерь ориентировался хорошо. От ворот повел политических преступников в канцелярию Приказа о ссыльных — оформляться. Сдав их с рук на руки местным властям, получил «Квитанцию № 29»:

«Дана сия из Тобольского приказа о ссыльных фельдъегерю поручику Прокофьеву в том, что следующие при отношении господина дежурного генерала главного штаба Его Императорского Величества генерал-адъютанта Игнатьева, от 24 декабря 1849 года за № 1031 преступники: Сергей Дуров, Федор Достоевский и Иван Ястржембский приняты приказом о ссыльных сего девятого января тысяча восемьсот пятидесятого года.

Управляющий Тобольским приказом о ссыльных

надворный советник *Павел Кравчуновский*

Заседатель приказа о ссыльных

титулярный советник *Максим Пребстинг*

В должности заседателя приказа о ссыльных

коллежский регистратор *Иван Анненков*³⁾

У сего Тобольского приказа о ссыльных

печать» [Гроссман: 704].

Отметим: П. П. Кравчуновский, М. К. Пребстинг и И. А. Анненков — первые должностные лица на тобольской пересылке, с которыми суждено

¹⁾ См.: (Милюков: 270).

²⁾ Минус 40° по шкале Реомюра, принятой в XIX в. в России, равняется 50° мороза по шкале Цельсия.

³⁾ Фамилии подписавших квитанцию заседателей уточнены нами по изд.: (Адрес-календарь, 2: 152).

было по прибытии в Тюремный замок столкнуться Достоевскому и его товарищам по несчастью. Третий из них — ссыльный декабрист Иван Анненков — сам двадцать три года назад, в январе 1827 г., так же, как и петрашевцы, был доставлен в Сибирь в ножных кандалах.

Из Приказа о ссыльных Достоевского, Дурова и Ястржембского повезли «в старый острог, огромное одноэтажное деревянное здание, окруженное высокою каменной оградой» (*Львов*: 108). Здесь новая встреча — со зрителем Тобольского тюремного замка. В его канцелярии внимание петрашевцев привлекли «чиновники, занимающиеся письмоводством. Эти лица были в арестантских армяках; у некоторых из них на лбу и щеках видны были буквы: К. А. Т.; у других, с вырезанными ноздрями, лицо и лоб были помечены буквами: В. О. Р. Физиономии были à l'avenant⁴⁾...» (*Биография*: 125 (1-я паг.)).⁵⁾ Очевидно, это были ссыльнопоселенцы, бывшие каторжники. Всё это было в новинку и ошарашивало.

Кроме зрителя острога, из представителей власти присутствовали прокурор (Д. И. Францев), почтмейстер (П. И. Булах)⁶⁾ «и еще какой-то начальник» (*Биография*: 125–126 (1-я паг.)). В их присутствии был произведен обыск новоприбывших арестантов и досмотр их вещей. Всё непопущенное в остроге было конфисковано. Сам Достоевский об этом моменте своего поступления в тюремный замок упомянул кратко: «11 января [так!] мы приехали в Тобольск, и после представления начальству и обыска, где у нас отобрали все наши деньги, были отведены, я, Дуров и Ястржембский, в особую каморку...» (*ДЗ*; 28₁: 169). Так началось двенадцатидневное пребывание Достоевского в Тобольске⁷⁾.

Зритель острога, как и вся обстановка в Тобольском тюремном замке, произвели на Достоевского и его товарищев удручающее впечатление⁸⁾. В это время они еще и предположить не могли, что именно в квартире этого неприветливого старика-чиновника⁹⁾ им суждено будет пережить самые радостные и светлые минуты за всё время пребывания в Тобольске. Достоевский, спустя без малого четверть века, вспоминал об этом событии так:

«...в Тобольске, когда мы в ожидании дальнейшей участи сидели в остроге на пересыльном дворе, жены декабристов умолили зрителя острога и устроили в квартире его тайное свидание с нами. Мы увидели этих великих страдалец, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь. Они бросили всё: знатность, богатство, связи и родных, всем пожертвовали

⁴⁾ соответственными (*фр.*).

⁵⁾ Курсивные выделения в цитатах принадлежат цитируемым авторам, полужирные — авторам настоящей статьи.

⁶⁾ Фамилия губернского почтмейстера установлена по изд.: (*Адрес-календарь*, 1: 183).

⁷⁾ Сам писатель через четыре года в письме к брату Михаилу ошибочно писал о шести днях пребывания в Тобольске (см.: *ДЗ*; 28₁: 169).

⁸⁾ См. ниже фрагменты воспоминаний И. Л. Ястржембского.

⁹⁾ Описания облика зрителя Тобольского тюремного замка будут приведены ниже.

для высочайшего нравственного долга, самого свободного долга, какой только может быть. Ни в чем неповинные, они в долгие двадцать пять лет перенесли всё, что перенесли их осужденные мужья. Свидание продолжалось час» (ДЗ0; 21: 12).

Их «участие, живейшая симпатия почти целым счастьем наградили нас», — еще раньше делился он переживанием этих минут с братом Михаилом (ДЗ0; 28;: 169).

В памятной записке, приложенной к сделанной рукой жены писателя копии запрещенной цензурой главы «Старина о петрашевцах», предназначенной для январского выпуска «Дневника писателя» 1877 г., А. Г. Достоевская, также упомянув встречу петрашевцев с декабристками в квартире смотрителя острога, высказала предположение, что тот, вероятно, был подкуплен декабристками (возможно, так считал и сам Достоевский)¹⁰⁾. Однако, как установил В. Н. Захаров, никакого подкупа, скорее всего, не было (об этом речь пойдет ниже).

Хотя в мемуарной и исследовательской литературе о смотрителе Тобольского тюремного замка (как официально именовалась эта должность) можно найти некоторые сведения, личность человека, предоставившего свой дом в качестве места свидания Достоевского и его товарищей с женами декабристов, до сих пор не привлекала должного внимания биографов писателя.

Не называя имени смотрителя, о нем пишет, например, в своих воспоминаниях дочь тобольского прокурора М. Д. Францева:

«Смотрителем острога был очень скромный, простой чиновник старичок. Он настолько был робок, что, зная вспыльчивый характер моего отца, приезжая ежедневно с рапортом о состоянии острога и входя со страхом к нему в кабинет, читал постоянно вполголоса молитву „Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его» (Францева: 622).

Впрочем, с обитателями острога смотритель вел себя по-другому.

В записках петрашевца Ф. Н. Львова так описана первая встреча по прибытии в Тобольск со смотрителем острога:

«Через несколько минут меня привезли в старый острог, огромное одноэтажное деревянное здание, окруженное высокою каменной оградой. Передо мной как из земли вырос седенький старичок, аршин двух ростом, с черствою, как высушенный гриб, физиономиею, и велел мне идти за собою. Мы вошли в какую-то грязную комнату, где начался осмотр моей особы <...>. Заметив на груди моей образок, седенький старичок хотел его снять, в том предположении, что он золотой; мне очень трудно было уверить его, что

¹⁰⁾ См.: РГАЛИ. Ф. 212.1.155.

образок только вызолочен и не имеет большой ценности ни для кого, кроме меня, как благословение матери. “Покажи ногу”, — сказал старичок. — Я поднял ее на обрубок дерева, служивший, между прочим, вместо стула в острожной канцелярии. Он потрогал с видом знатока мои тяжелые оковы и закричал: “Кузнеца!” У меня блеснул луч надежды, что меня раскуют и я в состоянии буду переменять нижнее белье <...> но шипящий хриплый голос: “Заковать его покрепче” — разрушил мои мечты. По окончании операции закования моих ног <...> седой старичок, **оказавшийся смотрителем**, и караульный унтер-офицер повели меня через большой и маленький двор и посадили в каморку...» (*Львов*: 108–109).

«А впрочем, — продолжал Львов, — старичок мой, — нет спору, — был хотя черствый и жестокий человек, но имел же и человеческие чувства. Арестанты даже любили его, как, например... дикие звери в клетках любят хозяина зверинца. Он для них был удобен. За этим никто не гнался, что он отдерет на обе корки, что называется, если попадешься; но было для них то хорошо, что он иногда на многое смотрел сквозь пальцы, а в случаях важных всегда умел вовремя замять дело» (*Львов*: 126).

Правда, записки Львова написаны в художественной форме и ведутся от чужого лица (как в «Записках из Мертвого Дома» Достоевского). Но автобиографический характер его повествования не вызывает сомнений. И портрет смотрителя острога, нарисованный им, весьма близок мемуарной зарисовке другого петрашевца — И. Л. Ястржембского, который был доставлен в Тобольскую пересыльную тюрьму вместе с С. Ф. Дуровым и Достоевским на следующий день после Ф. Н. Львова. Причем в своих мемуарах, что для нас особенно ценно, Ястржембский величает смотрителя острога по имени и отчеству:

«Мы прибыли в Тобольск... и были приведены в огромную залу, в которой приготавливали к отправлению *партии*. Там было собрано до трехсот мужчин, женщин и детей разных возрастов и племен; одних заковывали в кандалы, других нанизывали на железный прут, третьим брили головы. <...> Мы были переданы в руки смотрителя острога...»

Пропутешествовав всю ночь и часть дня на сорокаградусном морозе, неудивительно, что я с представлением о приезде в Тобольск соединял понятие о кое-каком теплом приюте и горячем чае. На вопрос мой: “Можно ли в остроге, куда нас вези, получить самовар?” — **Иван Гаврилович (смотритель)** отвечал другим вопросом: “А как же вы будете делать путешествие по сибирским этапам? Нет у нас самовара!” Эти слова открывали передо мною перспективу пешего образа хождения, может быть, за тысячу верст. Тут же мне вспомнилась только что виденная картина приготовления к отправке *партии*» (*Биография*: 125 (1-я паг.)).

Далее события развивались по тому же «алгоритму», что и в изложении Ф. Н. Львова:

«**Иван Гаврилович** подошел к нам. “В кандалах?” — спросил он резко. “Да-с”, — отвечали мы. “Обыскать”, — скомандовал он. Мы подверглись обыскаванию карманов, вызвавшему в наших лицах краску стыда и негодования. Тут же почтенный **Иван Гаврилович** конфисковал у меня почти полную бутылку хорошего рома, которую я купил было в Казани. Всё это не предвещало нам ничего хорошего» (*Биография*: 126 (1-я паг.)).

После обыска трех петрашевцев поместили в «узкую, темную, холодную, грязную» камеру: «В камере были нары и на них три грязные мешка, набитые сеном, вместо тюфяков, и такие же три подушки. Совершенная темнота». Горячий чай, тем не менее, узники получили, но отнюдь не от смотрителя острога. «Совершенно неожиданно, — продолжает мемуарист, — мы получили сальную свечку, спички и горячий чай, который нам показался вкуснее нектара (это произошло «по приказанию жандармского офицера, который оказался отчасти знакомым И. Л. Ястржембского»¹¹), комментирует составитель первой посмертной биографии Достоевского О. Ф. Миллер. — *Е. М., Б. Т.*) У Достоевского оказались превосходные сигары, которых, по счастью, недосмотрел почтенный Иван Гаврилович. В дружеской беседе мы провели большую часть ночи» (*Биография*: 126 (1-я паг.)).

Итак, имя смотрителя острога названо: Иван Гаврилович. Можно ли установить фамилию? Как ни странно, она известна. Применительно к описанному Ястржембским эпизоду ее называет в энциклопедическом словаре «Ф. М. Достоевский и его окружение» С. В. Белов¹²). В фонде Достоевского в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 212.1.123) хранится сделанная в 1934 г. копия «Дела Тобольского полицмейстера по секретной части 1850 года» (оригинал — в Тобольском филиале Госархива Тюменской области¹³), в котором содержится документ, гласящий, что смотритель тюремного замка *Корепанов* «сдал для сопровождения в Омск Достоевского и С. Ф. Дурова» [Белов, 1: 411]. С. В. Белов дает лишь ссылку на этот документ. Приведем его в полном виде:

¹¹) Отметим на будущее этого «отчасти знакомого» И. Л. Ястржембскому жандармского офицера.

¹²) Впрочем в статье, посвященной самому И. Л. Ястржембскому, где почти в полном объеме приведен тобольский эпизод из его воспоминаний, фамилия Корепанова не указана. Но фрагмент из мемуаров Ястржембского процитирован в статье об И. Г. Корепанове (см.: [Белов, 1: 411]).

¹³) Официальное название (с 2004 г.): Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске».

«Его Высокоблагородию
Господину Тобольскому Полицеймейстеру¹⁴⁾

Смотрителя
Тобольского Тюремного Замка
Рапорт

Во исполнение предписания Вашего Высокоблагородия от 20 числа сего Генваря за № 19. Содержащихся во вверенном мне Замке преступников Сергея Дурова и Федора Достоевского закованными в ножных кандалах здал [так!] сего ж числа в час пополудни препровождаемым в Город Омск Унтер-Офицеру Тобольской жандармской команды Филипу [так!] Короленку и рядовому той же команды Ивану Насонову вместе с кормовыми деньгами и тетрадью на записку прихода и расхода под росписку [так!] их.

О чем Вашему Высокоблагородию сим почтительнейше честь имею донести
Смотритель тюремного замка Корепанов

№ 199

Генваря 20 дня
1850 года»¹⁵⁾.

Из копии этого документа и извлек С. В. Белов фамилию смотрителя острога. Однако данный рапорт в Деле отнюдь не первый, где фигурируют одновременно фамилии Достоевского и Корепанова. Для того чтобы «здать» политических преступников для отправки их в Омский острог, смотритель сначала должен был их, естественно, «принять». О чем и сообщается в более раннем рапорте:

«Его Высокоблагородию
Господину Тобольскому Полицеймейстеру

Смотрителя
Тобольского Тюремного Замка
Рапорт

Присланные при предписании из Тобольского приказа о ссыльных от 9 числа сего Генваря за № 30 доставленные в оный из Санкт-Петербурга фельдъегерем поручиком Прокофьевым преступники: Сергей Дуров, Федор Достоевский и Иван Ястрожемский [так!] каковые преступники во вверенный мне Замок приняты закованными в ножных кандалах и помещены на Подсудимом Дворе в особой комнате отдельно от прочих арестантов.

¹⁴⁾ Тобольским полицеймейстером был капитан Николай Андреевич Тецкий (см.: *Адрес-календарь*, 2: 152).

¹⁵⁾ ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 623. Л. 27–27 об. Благодарим за указание на место хранения этого документа Т. В. Панюкову.

О чем Вашему Высокоблагородию сим почтительнейше <честь имею> донести
Смотритель тюремного замка Корепанов.

№ 87

Генваря 9 дня

1850 года»¹⁶⁾.

Итак, в воспоминаниях И. Л. Ястржембского — *Иван Гаврилович*, в официальных документах — просто *Корепанов*. Правомочность же соединения названного мемуаристом имени и отчества с фамилией, почерпнутой из Дела Тобольского полицмейстера, подтверждает найденный С. В. Беловым формулярный список смотрителя Тобольского тюремного замка *Ивана Гавриловича Корепанова* (РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Ед. хр. 1278).

Парадокс ситуации, однако, заключается в том, что, привлекая, с одной стороны, мемуары Ястржембского, а с другой — указанные документы архивного хранения, составитель энциклопедического словаря в биографической статье об И. Г. Корепанове не упоминает ни прямо, ни косвенно, что именно по договоренности с ним и в его квартире Н. Д. Фонвизина и П. Е. Анненкова устроили встречу с Достоевским и другими петрашевцами. И наоборот, когда С. В. Белов пятикратно цитирует упомянутое свидетельство жены писателя о встрече с декабристками в доме смотрителя острога, там, в свою очередь, он не называет фамилии Корепанова (см.: [Белов, 1: 53, 340, 569; 2: 195, 364]). В столь важном, судьбоносном эпизоде биографии Достоевского оказалось «потерянным» имя одного из немало-важных участников события; из биографической же справки об этом лице выпал наиважнейший эпизод. Соединение имени Ивана Гавриловича Корепанова с хрестоматийным эпизодом жизнеописания писателя делается впервые в настоящей статье.

И. Л. Ястржембский дважды именует смотрителя острога «почтенным Иваном Гавриловичем». М. Д. Францева отзывается о нем как о «чиновнике старичке». Ф. Н. Львов описывает «седенького старичка, аршин двух ростом¹⁷⁾, с черствою, как высушенный гриб, физиономиею». Данные формулярного списка И. Г. Корепанова, на которые ссылается С. В. Белов, указывают, что он «службу начал 17 мая 1812 г. рядовым в Оренбургском линейном батальоне № 5» [Белов, 1: 411]. Значит, к началу 1850 г. смотритель острога уже почти сорок лет тянул служебную лямку. В октябре 1850 г., когда был составлен формулярный список¹⁸⁾, ему 60 лет. В словаре С. В. Белова указано, что он 1790 года рождения (см.: [Белов, 1: 411]).

¹⁶⁾ Там же. Л. 10–10 об.

¹⁷⁾ Если тут не содержится художественной гиперболы (точнее — литоты), И. Г. Корепанов оказывается почти карликом: его рост — чуть более 1 м 40 см.

¹⁸⁾ На титульном листе документа означено: «Формулярный список о службе смотрителя Тобольского тюремного замка губернского секретаря Корепанова. Составлен 18 октября 1850 года» (РГИА. Ф. 1349. Оп. 5, 1850 г. Ед. хр. 1278. Л. 306).

Несколько удивляет, что за сорок без малого лет службы И. Г. Корепанов дослужился только до чина XII класса — губернского секретаря. С. В. Белов из других формулярных данных указывает только, что Корепанов стал смотрителем Тобольского тюремного замка 13 июня 1844 г., то есть в возрасте 54 лет. Небезынтересным представляется ввести в научный оборот и другие биографические сведения об этом лице.

Итак, будучи по происхождению «из ямщиков Тобольской губернии» и получив «домашнее воспитание», И. Г. Корепанов 17 мая 1812 г. поступил на военную службу рядовым в линейный Оренбургский батальон № 5. Через три года, 20 мая 1815 г., был произведен в унтер-офицеры. С 1 мая 1816 г. служил в том же подразделении каптенармусом. Через пятнадцать лет он выслужил первый офицерский чин, будучи 17 февраля 1831 г. произведен в прапорщики с переводом в линейный Оренбургский батальон № 8 (в последующем Оренбургское казачье войско). Высший в своей армейской карьере чин поручика он получил почти в пятидесятилетнем возрасте — 28 августа 1838 г., исполняя должность батальонного казначея. Выйдя с 1 июля 1839 г. в отставку по болезни, без награждения следующим чином, Корепанов 17 августа 1839 г. был зачислен в штат Тобольской градской полиции, где, исполняя должность квартального надзирателя, 22 января 1842 г. был переименован указом Правительствующего Сената «в Губернские Секретари». 8 августа 1843 г. он вновь «был уволен по прошению в отставку», но менее чем через год, 13 июня 1844 г., «вследствие просьбы» управляющим Тобольскою губерниею «был вновь принят на службу и определен к исполнению должности Смотрителя Тобольского Тюремного Замка». А через пять месяцев, 7 ноября 1844 г., «утвержден настоящим Смотрителем», в каковой должности и пребывал в январе 1850 г.¹⁹⁾

Формулярный список заверен подписями Председателя Тобольского Губернского собрания <А. Н.> Владимировва, советников Николая Соколова, Степана Семенова и Ивана Чернякова. Подписан также исполняющим должность секретаря Иваном Забелиным²⁰⁾.

Вернемся, однако, к свиданию петрашевцев с женами декабристов в квартире 59-летнего смотрителя Тобольского тюремного замка губернского секретаря Ивана Гавриловича Корепанова. Выше уже было приведено предположение А. Г. Достоевской, по мнению которой смотритель острога, вероятно, был подкуплен декабристками. Записки Львова, давшего (пусть и в художественном повествовании) общую характеристику Корепанову, как будто поддерживают эту версию, когда он пишет, что смотритель «на многое смотрел сквозь пальцы, а в случаях важных всегда умел вовремя замять дело. **Конечно, это делалось не даром; но для ссыльно-каторжных было легче заплатить, чем подставлять свою спину под кнут**» (Львов: 126).

¹⁹⁾ РГИА. Ф. 1349. Оп. 5, 1850 г. Ед. хр. 1278. Л. 306 об. – 311.

²⁰⁾ Там же. Л. 311.

Это прямое указание на то, что Иван Гаврилович был не прочь при случае «погреть руки». Но одно дело брать отступные с безгласных арестантов, и совсем другое — иметь дело с людьми, обладающими значительным весом в тобольском обществе. «...Жены декабристов умолили смотрителя острога и устроили в квартире его тайное свидание с нами», — вспоминает об этом событии сам Достоевский. Но «умолили», видимо, тоже не вполне соответствует действительности.

В. Н. Захаров, отвергая версию подкупа, приводит выразительное свидетельство того, что встреча дам из общества с арестантами в квартире смотрителя, о которой идет речь, была далеко не первой и что на должностное правонарушение (а весь эпизод надо квалифицировать именно так) Корепанов шел не из корысти, а, скорее, из того, что называется «ради страха иудейского»²¹⁾. М. Д. Францева в своих воспоминаниях рассказывает, как еще ранее, до появления петрашевцев в Тобольске, она однажды настояла на посещении острога и такой же встрече в квартире смотрителя с ссыльными поляками.

Посетив вместе с отцом-прокурором в секретном каземате пересыльной тюрьмы политических преступников-поляков, Францева прониклась к ним острой жалостью и задумала по возможности облегчить их участь. К этой акции она подключила Н. Д. Фонвизину, с которой была дружна. Вот как происходило дело:

«Когда мы с Натальей Дмитриевной приехали к обедне в острог, то увидели, что и поляки были тоже в церкви. По окончании службы, выходя, мы сказали им по-французски, что сейчас к ним зайдем. Хотя я и знала, что к политическим преступникам строго запрещено допускать кого бы то ни было, но, смело обратившись к караульному офицеру, сказала:

— Пропустите, пожалуйста, меня с Натальей Дмитриевной в секретные камеры к полякам.

Молоденький офицер смешался, не знал, что ответить.

— Ведь по закону не велено никого допускать к политическим преступникам, — отвечал он нерешительным голосом.

Я поторопилась воспользоваться его замешательством.

— Как, даже и с подаянием? — возразила я ему: — разве вы не знаете, что я в прошлый раз была уже там с моим отцом-прокурором, который не хуже вас знает законы?

Офицер поколебался...» (Францева: 620).

Так М. Д. Францева и Н. Д. Фонвизина проникли за «замкнутые чугунные решетчатые ворота, отделяющие секретный двор». Но это было только начало. После первой встречи и беседы с поляками дамы убедились, в каком

---

²¹⁾ Ниже мы используем ценные наблюдения В. Н. Захарова, приведенные им в статье: [Захаров, 2012: 76–77].

ужасном положении те находились. Узнав, в чем польские арестанты нуждались, особенно перед отправкой в дальнюю зимнюю дорогу, они «с Натальей Дмитриевной старались пополнить их недостатки, чем могли; она накупила им сапогов, теплых перчаток, шапок, белья и разных необходимых вещей для дороги»; Францева «со своей стороны взялась собрать некоторую сумму денег для мелких их расходов в таком дальнем пути...» (Францева: 621). Но всё это как-то надо было передать арестантам, не вызывая подозрений начальства. «Один план, — пишет мемуаристка, — показался мне более удобоисполнимым, на котором я и остановилась». Она решилась воспользоваться робостью Корепанова перед ее отцом, о чем уже выше упоминалось:

«...Когда однажды он выходил от отца, я подошла к нему с просьбою, чтоб он принял меня с Натальей Дмитриевной Фон-Визиной в этот вечер у себя на квартире в остроге. Бедный старик был очень удивлен таким небывалым моим заявлением».

Но отказать дочери прокурора не посмел.

«Часов в шесть вечера, — продолжает Францева, — мы с Н. Д. уже остановились у ворот острога. Часовой не пропускал нас, но мы сказали, что приехали в гости к смотрителю; тогда часовой, не отворяя ворот, передал другому часовому, стоявшему внутри двора, другой — третьему и так далее, пока не дошло до смотрителя. Разрешение пропустить нас передавалось тем же порядком...».

Так и на этот раз дамы оказались на территории острога.

«На пороге своей квартиры встретил нас смотритель. Войдя в комнату, я передала ему цель нашего посещения. “Пожалуйста, устройте нам свидание с заключенными поляками”, — обратилась я к нему. — “Да это невозможно, в настоящее ночное время никого нельзя допускать к ним в камеры”, — отвечал он мне растерянным голосом. — “Так приведите их сюда, ведь вы имеете полное право потребовать их к себе, когда хотите”, — настаивала я. И добрый старичок, не смея отказать просьбе дочери своего начальника, скрепя сердце согласился» (Францева: 622).

На этом можно остановиться. Сама встреча с политическими арестантами-поляками в квартире смотрителя острога сейчас не имеет для нас специального интереса. Она важна, выражаясь юридическим языком, в качестве прецедента. М. Д. Францева акцентирует «скромность» в этой истории бедного старичка Ивана Гавриловича. Точнее здесь говорить о робости маленького (не только ростом) чиновника XII класса перед дочерью его превосходительства, господина прокурора, переступая порог кабинета которого Корепанов читал от страха молитвы.

В аналогичной истории с петрашевцами дочь прокурора Маша Францева участия не принимала. Но, повторим, здесь важен *прецедент*. Нарушив установленный порядок единожды, робкий смотритель острога оказался уже «повязанным», не смея отказать в подобной же просьбе повторно. И не случайно здесь ключевой фигурой оказывается Наталья Дмитриевна Фонвизина, которая всегда могла напомнить губернскому секретарю Корепанову, что он уже однажды совершил подобное правонарушение.

Завершая свои наблюдения схожим выводом, В. Н. Захаров пишет: «Повидимому, так было и в этот раз». Но прибавляет: «Впрочем, в январе 1850 г. в остроге был другой смотритель: “Офицер был из кадетов и предобрый юноша”» [Захаров, 2012: 77]. Мы, однако, знаем, что И. Г. Корепанов служил в должности смотрителя Тобольского замка с мая 1844 г. Относить историю с поляками к более раннему времени у нас нет никаких оснований. И тогда возникает вопрос: как могло возникнуть подобное недоразумение? В поисках ответа на этот вопрос надо еще раз проанализировать источники и внимательнее присмотреться к другим участникам события.

Наиболее подробно эта встреча описана в письме Н. Д. Фонвизиной от 18–22 мая 1850 г. из Тобольска в село Марьино Бронницкого уезда к брату мужа И. А. Фонвизину. Впервые интересующие нас фрагменты этого обширного письма были опубликованы С. В. Житомирской в 1956 г. [Житомирская: 618–622] и после этого неоднократно перепечатывались. Полностью письмо опубликовано Е. Вяль и Л. Алексеевой в 2015 г. в электронном журнале «Неизвестный Достоевский» [Алексеева, Вяль: 54–64].

Приступая к изложению событий, в ходе которых Н. Д. Фонвизина в январе 1850 г. неоднократно встречалась с находящимися в Тобольском тюремном замке петрашевцами, она отмечает, что уже ранее «наши», то есть находящиеся на поселении в Тобольске декабристы, в том числе ее муж Michel (М. А. Фонвизин), «приняли дѣятельное участіе въ ихъ бѣдствіяхъ. Снабдили всѣмъ нужнымъ — и сношенія сначала этимъ только и ограничились» [Алексеева, Вяль: 55]. Кого Наталья Дмитриевна называет «нашими»? В биографической литературе о Достоевском принято говорить о «женах декабристов». В. Н. Захаров справедливо пишет о том, что «в их (то есть женщин-декабристок. — *Е. М., Б. Т.*) тени остались незаметны тобольские декабристы: М. А. Фонвизин, И. А. Анненков, П. Н. Свистунов, А. М. Муравьев, Ф. Б. Вольф... Кто еще?» [Захаров, 2015: 49] Как видим, действительно, изначально в помощи петрашевцам принимал участие М. А. Фонвизин. Служивший врачом Приказа общественного призрения в Тобольске Г. М. Мейер, общавшийся по долгу службы с заключенными петрашевцами, свидетельствует: «...в них [петрашевцах] приняла участие публика, особенно декабристы, жившие в Тобольске: Анненков, Муравьев, Свистунов, два Пушкина (имеются в виду братья Н. С. и П. С. Бобрищевы-Пушкины. — *Е. М., Б. Т.*), посылали им белье и т. п.» (*Маркевич*: 50). Выше нами приведен документ — Квитанция, выданная Тобольским Приказом о ссыльных

фельдъегерю К. П. Прокофьеву о доставке в Тобольск «преступников Дурова, Достоевского и Ястржембского», подписанная управляющим Приказом Павлом Кравчуновским и служившим в должности заседателя Иваном Анненковым. Значит, декабрист И. А. Анненков одним из первых должен был узнать в Тобольске о прибытии в пересыльную тюрьму М. В. Петрашевского и его товарищей, и все остальные «наши», принявшие участие в облегчении участи петрашевцев, скорее всего, самую первую информацию получили именно от него. Сам Достоевский как будто называл жене имя декабриста П. Н. Свистунова²². И тем не менее в письме к брату Михаилу, написанном вскоре после выхода из острога, вспоминая о пребывании в Тобольске, Достоевский писал, делая важную оговорку: «Ссылные старого времени (**то есть не они, а жены их**) заботились об нас, как о родне» (ДЗ0; 28; 169). Конечно, заключенным в остроге петрашевцам трудно было объективно уяснить, кто и чем им помогал на воле: в память врезались прежде всего встречи с декабристками и их сердечное участие в судьбе арестантов.

Тем не менее повторим в несколько расширенном виде уже процитированные слова из письма Н. Д. Фонвизиной:

«Признаюсь что я даже не искала съ ними сближенія. — Другіе изъ нашихъ и Michel приняли дѣятельное участіе въ ихъ бѣдствіяхъ. Снабдили всѣмъ нужнымъ — и сношенія сначала этимъ только и ограничились. <...> Смотритель и семейство его (имеется в виду жена И. Г. Корепанова — Мавра Яковлевна: детей у них не было. — Е. М., Б. Т.) были уже въ сношеніи съ нашими по случаю передачи съѣстныхъ припасовъ, бѣлья и платья нужнаго» [Алексеева, Валь: 55].

Значит, когда Наталья Дмитриевна приняла участие в деле помощи петрашевцам, смотритель острога был уже подключен к этой «гуманитарной акции».

²² Если только в памятной записке А. Г. Достоевской правильно зафиксирована фамилия этого декабриста и имеется в виду именно Петр Николаевич Свистунов, а не его жена Татьяна Александровна (урожд. Неугодникова). В этом документе, никогда в полном объеме не публиковавшемся, А. Г. Достоевская, перечисляя тех, с кем встретились петрашевцы, пишет: «*Въ сопровожденіи конвойныхъ они были приведены въ квартиру смотрителя острога <...> и тамъ-то находились, какъ бы въ гостяхъ у смотре<ля>, жены декабристовъ, Анненков[а]{ы} (мать и дочь, впоследствии Иванов<а>), Муравьева, Фонъ Визинъ [так!] и Свистуновъ»* (РГАЛИ. Ф. 212.1.155). В этой записи не только парадоксально (описка?) фамилия Натальи Дмитриевны поставлена в форме мужского рода, но и после фамилии Свистунова стоит стенографический значок «кажется», являвшийся у жены писателя выражением сомнения (за последнее указание благодарим петрозаводскую исследовательницу О. А. Сосновскую, специально изучавшую систему стенографии А. Г. Достоевской). В этой связи отметим, что в воспоминаниях жены писателя при упоминании встречи в квартире смотрителя острога названы только женщины — мать и дочь Анненковы, Фонвизина и Муравьева, а о Свистунове нет ни слова (см.: *Достоевская*: 427). Ж. А. Муравьева в этом мемуарном свидетельстве ошибочно названа Муравьевой-Апостол).

«Нашими» (кем именно, Фонвизина не называет) ей было поручено постараться каким-либо образом передать собранные деньги «Главному изъ нихъ Петрашевскому — который содержался всѣхъ строжѣе [так!]» [Алексеева, Вяль: 55]. Интересно, что в письме к И. А. Фонвизину Наталья Дмитриевна пишет, что она сначала не знала, как приступить к этому делу (как будто у нее не было опыта проникновения в острог с Машей Францевой, когда они оказывали помощь ссыльным полякам). По ее свидетельству, только совет служившего в остроге Ипполита Кашкадамова, с которым была в приятельских отношениях ее «няня»²³), подсказавшего, что к заключенным можно пройти «под видом раздачи милостыни», помог найти решение поставленной задачи. Петрашевский в это время находился в тюремной больнице. М. Д. Францева сообщала, что в отличие от «секретного двора» в больницу можно было пройти беспрепятственно²⁴). Н. Д. Фонвизина пишет деверю, что Петрашевский «содержался всѣхъ строжѣе». Тут опять нам видится определенная неувязка. Но так или иначе, а совет Кашкадамова сработал, и встреча с Петрашевским состоялась.

Рассказав в письме подробно о свидании с Петрашевским, Н. Д. Фонвизина затем сообщает, как под тем же предлогом раздачи подавания она проникла в камеру, где находились петрашевцы Николай Спешнев, Феликс Толль, Николай Григорьев и Федор Львов. Общение с ними продолжалось более часа. Конвоир, впустивший ее, из осторожности запер дверь и сам вскоре сменился, передав ключи и не сообщив своему товарищу о нахождении в камере посторонних. Затем произошла одновременно драматическая и курьезная история, о которой Наталья Дмитриевна повествует так:

«Мы слышали шумъ и говоръ но не обратили вниманія — вдругъ шумъ усилился, слышимъ отпираютъ и входятъ: дежурный офицѣръ съ жандармскимъ капитаномъ. — Няня такъ испугалась что сдѣбался поносъ — но подивитесь что я не только не испугалась но даже не сконфузилась — и привставъ поклонилась знакомому жандарму назвавъ его по имени. — Мнѣ и мысли никакой не пришло о послѣдствіяхъ. Жандармъ потѣрялся сталь спрашивать о М. А. (Фонвизина. — Е. М., Б. Т.) здоровьѣ<,> я сказала что была у обѣдни и зашла спросить у Господъ не нужно ли имъ чего на дорогу. <...> Смольковъ жандармъ говорилъ мнѣ послѣ, что моя смѣлость такъ его поразила, что онъ рѣшился содѣйствовать намъ — и сдѣржалъ слово» [Алексеева, Вяль: 57–58].

Запомним это новое имя — жандармский капитан Смольков.

²³) Имеется в виду старушка Матрена Петровна Нефедова, бывшая няней Н. Д. Фонвизинной (урожд. Апухтиной) в ее детские годы и добровольно поехавшая за ней в Сибирь. Присутствовавшую при встрече петрашевцев с декабристами Нефедову тоже необходимо отнести к лицам, которые должны быть зарегистрированы в энциклопедическом словаре «Ф. М. Достоевский и его окружение». Но там она отсутствует.

²⁴) Описывая посещение с Н. Д. Фонвизинной арестанта Зыкова, она замечает: «В больницу допускали всех, и могли быть там без всяких опасений» (Францева: 624).

«После *этаго*, — продолжает письмо Н. Д. Фонвизина, — намъ уже невозможно было не принимать живѣйшаго участія во всѣхъ этихъ бѣдныхъ людяхъ и не считать ихъ своими. Дамы наши явились ко мнѣ узнать удалось ли мнѣ доставить деньги. Мы положили подъ вечеръ переодѣвшись въ сопровожденіи няни ѣхать къ смотрителю» [Алексеева, Вяль: 58].

В этом пассаже в легкости, с которой без рассуждений и опасений было принято решение организовать встречу с петрашевцами в доме смотрителя, напротив, как раз сказывается прежний опыт свиданий с польскими арестантами, известный нам из рассказа М. Д. Францевой. Цепь часовых у чугунных решетчатых ворот при входе в острог теперь уже никого не смущает: известно, как преодолеть это препятствие.

С другой стороны, надо сказать, что в этой части письма Н. Д. Фонвизинной изложение событий как-то ускоряется, лишается подробностей. И именно в связи с этим, как представляется, возникло то недоразумение в исследовании В. Н. Захарова, о котором выше шла речь.

Приведем соответствующий фрагмент письма, отступив несколько назад.

«Мы, — повторим еще раз последнюю фразу Н. Д. Фонвизинной, — положили подъ вечеръ переодѣвшись въ сопровожденіи няни ѣхать къ смотрителю. — Офицѣръ былъ изъ кадетовъ и предобрый юноша. Тутъ же пріѣхалъ и одинъ изъ служащихъ офицѣровъ при строительной комисіи — короткой пріятель Львову — (теперь уже онъ покойный) и этотъ присоединился къ намъ въ желаніи видѣть узниковъ. Смотритель и офицѣръ согласились на нашу просьбу и сначала привели Петрашевскаго одного. Онъ былъ съ нами довольно долго — мы его угощали²⁵. Смотритель подчивалъ чаемъ. <...> Этаго увѣли и привѣли 4хъ съ которыми я сидѣла взаперти,> ихъ не приказано было сводить вмѣстѣ съ Петрашевскимъ и съ тремя остальными — намъ стало жаль что трое остальныхъ какъ бы покинуты. Становилось поздно и няня вздумала просить офицѣра чтобы и остальныхъ привѣли не уводя еще этихъ. Тотъ взялъ на свой страхъ...» [Алексеева, Вяль: 58]²⁶.

²⁵ В. Н. Захаров задается вопросом: какого числа могла происходить эта встреча в квартире смотрителя? По расчетам исследователя, «тайное свидание» могло состояться в воскресенье 15 января, а передача книг и денег в переплете — в любой из дней с 16 по 19 января» [Захаров, 2015: 44]. Решая этот вопрос, необходимо учитывать, что Петрашевский был отправлен в Иркутск в семь часов вечера 17 января, Спешнев и Григорьев (также в Иркутск) — 18 января, Львов (в Иркутск) и Толль (в Томск) — 19 января (ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 623. Л. 15–15 об., 19, 20, 23–23 об.). Значит, в самом деле, встреча не могла иметь место позднее 16 января (канун отправки Петрашевского). Евангелия же, — если они действительно были подарены *всем восьмерым* петрашевцам, — должны были передаваться до дня отправки, возможно — в несколько приемов, в период с 17 января (в день отправки Петрашевского) по 20 января (день отправки Достоевского, Дурова и — ближе к полуночи — Ястржембского).

²⁶ Интересно, что не смотритель острога отдает распоряжение привести трех оставшихся петрашевцев, а офицер охраны соглашается исполнить просьбу декабристок «на

Знание нами формулярных данных о 59-летнем губернском секретаре Иване Гавриловиче Корепанове, бывшем смотрителем Тобольского тюремного замка, по крайней мере, до осени 1850 г., обостряет восприятие этого места из письма Н. Д. Фонвизиной. Тире между первой и второй фразой поставлено автором письма не случайно. Не обладая теми сведениями о смотрителе острога, которые приводятся в настоящей статье, В. Н. Захаров, очевидно, воспринял два предложения процитированного эпистолярного текста как единое целое, не придавая должного значения разделяющему их тире (которое в синтаксисе XIX в. нередко выполняло роль абзаца): «Мы положили подъ вечеръ переодѣвшись въ сопровожденіи няни ѣхать къ смотрителю. — Офицѣръ былъ изъ кадетовъ и предобрый юноша...» В прочтении В. Н. Захарова смотритель острога и юноша офицер оказались одним и тем же лицом. Зная мемуары М. Д. Францевой, где смотритель острога в истории с поляками — «очень скромный, простой чиновник старичок», исследователь, чтобы снять противоречие, сделал напрашивающийся вывод: «Впрочем, в январе 1850 г. в остроге был другой смотритель».

Правда, фраза в последующем изложении: «**Смотритель и офицѣръ** согласились на нашу просьбу и сначала привели Петрашевскаго...» — как будто должна была подсказать исследователю, что «офицѣръ... изъ кадетовъ и предобрый юноша» — это иное лицо, нежели смотритель острога: по видимому, он обеспечивал доставку петрашевцев из тюремных камер в квартиру смотрителя и обратно. Но здесь запутывает ситуацию *еще один офицер*, присутствовавший при встрече, — «короткій приятель Львову», который присоединился к декабристкам и их спутникам (19-летней Ольге Анненковой и, возможно, П. Н. Свистунову) «въ желаніи видѣть узниковъ». Конечно же, он, будучи офицером «при строительной комиссіи», здесь ничего не мог решать, брать что-то «на свой страхъ», и не к нему обращалась с просьбой «няня» Натальи Дмитриевны, «чтобы и остальныхъ (то есть Достоевского, Дурова и Ястржембского. — Е. М., Б. Т.) привѣли, не уводя еще этихъ». Но повторим: присутствие в изложенном предельно сжато эпизоде *двух офицеров*, — одного служащего по тюремной, а другого — по строительной части, способно запутать читателя.

К сожалению, имена этих двух офицеров, присутствовавших при свидании, остаются нам неизвестными. Если еще можно попытаться установить личность «короткаго приятеля Львова» (возможно, они вместе учились в Первом кадетском корпусе), служившего в тобольской строительной комиссии и (как сообщает в письме Фонвизина) умершего в ближайшие месяцы после этой встречи, то без обнаружения новых источников сказать что-то определенное об офицере — «предобром юноше» «из кадетов» вряд ли удастся²⁷⁾.

свой страх». Последнее выражение подтверждает, что организация этого свидания — серьезное правонарушение тюремного порядка.

²⁷⁾ Обратим, однако, внимание на тот факт, что заговаривает с офицером, высказывая пожелание, чтобы привели и других трех петрашевцев, — «няня». Нельзя исключить, что

Но у нас остается еще одно лицо, о котором желательно узнать поподробнее, — жандармский капитан Смольков. На исключительную роль этого офицера пронизательно указал В. Н. Захаров. Исследователь обратил внимание на то, что в изложении Н. Д. Фонвизиной, описывающей встречу с петрашевцами в квартире смотрителя острога, отсутствует упоминание Евангелий, которые декабристки подарили каждому из арестантов, заклеив в переплеты книг по десять рублей. Это — одно из важнейших событий духовной биографии Достоевского. И вот о нем нет ни слова в наиболее авторитетном источнике — письме Натальи Дмитриевны Фонвизиной!

В «Дневнике писателя», вспоминая почти через четверть века встречу с декабристками в Тобольске, Достоевский писал:

«Мы увидели этих великих страдалец, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь. <...> Свидание продолжалось час. Они благословили нас в новый путь, перекрестили и каждого оделили Евангелием — единственная книга, позволенная в остроге. Четыре года пролежала она под моей подушкой в каторге» (ДЗ0; 21: 12).

По убедительному мнению В. Н. Захарова, эта нарисованная Достоевским выразительная картина имеет подчеркнuto эмблематический характер, выстроена автором «Дневника...» как своеобразный символ и не отражает реального хода события в его действительной последовательности. «Были ли у Натальи Дмитриевны возможность в первый день знакомства с петрашевцами приготовить восемь экземпляров Евангелия, разрезать переплет, вложить деньги?» — задается ученый резонным вопросом [Захаров, 2015: 49]²⁸⁾. Добавим к этому и то обстоятельство, что появление Достоевского, Дурова и Ястржембского на этой встрече в квартире Корепановых произошло

это мог быть ее знакомый в остроге И. Кашкадамов, подсказавший Фонвизиной способ проникнуть в острог под предлогом раздачи милостыни. Он назван в письме Натальи Дмитриевны «воспитанникомъ Талызина» (так обычно говорят о молодых людях).

²⁸⁾ Немаловажен также вопрос: все ли восемь человек петрашевцев получили в подарок именно Новый Завет на русском языке 1823 года издания? Данный аспект ситуации тем более заостряет проблему: где Н. Д. Фонвизина в Тобольске могла оперативно найти восемь экземпляров книги, изданной более четверти века назад? Скорее всего, она должна была обратиться в тобольский губернский комитет Общества попечительного о тюрьмах, одним из направлений деятельности которого являлось распространение среди заключенных духовной литературы. Существуют сведения, что после 1826 г. определенная часть тиража Нового Завета в русском переводе распространялась как раз через структуры указанного Общества (см.: [Чистович: 117]). О том, что оперативно найти экземпляры Нового Завета на русском языке в Сибири было весьма непросто, свидетельствует, например, письмо священника А. И. Сулоцкого, который писал 18 апреля 1850 г. М. А. Фонвизину из Омска в Тобольск: «Я дожидался и не мог дожидаться ответа от Синодальной Типогр<афской> Конторы на требование мое чрез Григория Алекс<андровича> некоторых духовных книг, в числе которых требую и Новый Завет на Славяно-Русском наречии в числе 3-х экземпляров. <...> Впрочем по некоторым обстоятельствам я уже отчаялся получить Славяно-Русские Заветы» (ОР РГБ. Ф. 319. Оп. 1. Карт. 3. Ед. хр. 67. Л. 19 об.–20. За указание на этот источник сердечно благодарим В. Н. Захарова).

спонтанно — лишь после того, как «няня» упростила офицера привести, не уводя первых четырех, и трех оставшихся арестантов.

Проникнувшись симпатией к Сергею Дурову, выдавая его за своего племянника, Н. Д. Фонвизина в последующие дни получила возможность беспрепятственно посещать его (а значит, и Достоевского с Ястржембским) в остроге. Этим трем узникам она имела возможность подарить Евангелия при последующих встречах. Но в ее письме содержится указание, что в действительности данное событие произошло иначе. И заслуга В. Н. Захарова в том, что он акцентировал это эпистолярное свидетельство, которое в автографе письма содержится в приписке на полях, а в публикациях обычно дается петитом в сноске. Сообщая своему корреспонденту, как жандармский офицер Смольков, обнаружив ее в запертой камере с четырьмя петрашевцами, сказал Фонвизиной, пораженный ее смелостью, что «рѣшилсѣ содѣйствовать» ей в деле помощи петрашевцам — «и сдѣржалъ слово», Наталья Дмитриевна делает к этому месту письма примечание: «Этотъ жандармъ всѣмъ остальнымъ передалъ тайныя деньги, вдѣланныя въ книги, и показалъ каждому какъ доставать и какъ опять заклѣвывать» [Алексеева, Вьяль: 58]²⁹⁾.

Евангелия были подарены петрашевцам Н. Д. Фонвизиной (не исключено, что при участии П. Е. Анненковой и других дам), но *вручил* их узникам Тобольского тюремного замка, научив заодно, как извлекать и вновь прятать заклеенные в переплет деньги, — *жандармский капитан Смольков*³⁰⁾.

Фамилия этого человека отсутствует в энциклопедическом словаре С. В. Белова «Ф. М. Достоевский и его окружение». Но после пронизательного указания В. Н. Захарова на его роль в биографии писателя наша задача — собрать о нем хотя бы первоначальные сведения.

Первым обстоятельством, осложняющим поиск биографических данных об интересующем нас лице, оказывается тот факт, что офицеры с фамилией

---

²⁹⁾ В исследовательской литературе это место долго не было должным образом оценено. Показательно, что в капитальной работе М. М. Громыко, где большие фрагменты письма Н. Д. Фонвизиной повторно, после публикации Житомирской, воспроизведены по автографу, это авторское примечание с упоминанием жандарма, передавшего петрашевцам книги, опущено (см.: [Громыко: 77]). «Сказочную подробность» о передаче петрашевцам офицером Смольковым «денег, вделанных в Евангелия», отметила в новейшем жизнеописании Достоевского Л. И. Сараскина. Но в отличие от В. Н. Захарова не заострила противоречие двух версий, а представила фрагмент «Записок из Мертвого Дома» с рассказом о подарке Евангелия «теми, которые тоже страдали в ссылке и считали время ее уже десятилетиями», *уточнением* к сообщению о миссии Смолькова [Сараскина: 252–253].

³⁰⁾ В воспоминаниях И. Л. Ястржембского, к сожалению, известных нам не в полном объеме, а частично опубликованных в составе первой посмертной биографии Достоевского в *изложении* О. Ф. Миллера, содержится указание, что в первые часы заключения в камере Тобольского тюремного замка им оказал поддержку жандармский офицер, «отчасти знакомый с Ястржембским» (см. выше примеч. 11). Штат жандармских офицеров, несших службу в остроге, не должен был быть велик. Как знать, не был ли это капитан Смольков и не объясняется ли его помощь петрашевцам также и тем, что среди них был его знакомый?

Смольков (а также Смальков) отсутствуют в адрес-календарях Российской империи за 1840–1850-е гг. Другие же лица с этой фамилией служат либо по министерству финансов, либо в уездном суде. Вообще надо заметить, что чины Отдельного корпуса жандармов в этих, казалось бы, универсальных по своему составу справочниках как правило отсутствуют. Не только жандармского капитана Смолькова, но и начальника VIII (Сибирского) округа Корпуса жандармов в 1844–1852 гг. генерал-майора К. И Влахопулова (Влахопуло) нет в адрес-календарях за данный период.

В этом отношении гораздо репрезентативнее оказываются регулярно издававшиеся вплоть до 1917 г. Списки офицерам (майорам, подполковникам, полковникам, генералам) по старшинству, содержащие информацию о дате производства в офицеры, дате производства в чин, занимаемой должности, имеющихся наградах и проч., в которых и обнаруживается след интересующего нас лица. Правда, сразу надо отметить, что в этих справочниках фигурируют офицеры с фамилией *Смальков* (вариант написания *Смольков* отсутствует за весь обследованный период с 1850-х по 1880-е гг.). Можно предположить, что Н. Д. Фонвизина не вполне точно передает в письме воспринятую ею на слух фамилию жандармского офицера³¹⁾.

Самым ранним источником, где зарегистрировано несколько офицеров с фамилией *Смальков*, является Список майорам по старшинству за 1861 г. (по положению на 13 марта). Здесь фигурируют *три* майора *Смалькова*, но двое из них служат в пехотных полках и лишь Александр Иванович Смальков числится по корпусу жандармов. Присмотримся к этому лицу.

*Генерал-майор Корпуса жандармов
Александр Смальков*

*Major General of the Gendarmes Corps
Alexander Smalkov*

³¹⁾ Впрочем, отметим, что известная вариативность в написании фамилий была характерна для всего XIX в.

А. И. Смальков, согласно данным указанного Списка, получил первый офицерский чин (прапорщика) 28 августа 1838 г. К январю 1850 г. он вполне мог быть в чине капитана (или, скорее, штабс-капитана, что по штатному расписанию соответствовало должности начальника губернской жандармской команды: Н. Д. Фонвизина, именуя его капитаном, могла не вполне разбираться в нюансах воинских званий). Чин майора А. И. Смальков получил 8 сентября 1859 г. (см.: *Список майорам*: 497). При обычном порядке чинопроизводства он вполне мог быть штабс-капитаном в 1850 г. Правда, в 1861 г. майор А. И. Смальков служил штаб-офицером Корпуса жандармов в Самарской губернии. Но со времени тобольского эпизода прошло более десяти лет, и за эти годы он вполне мог получить новое назначение.

В более поздних Списках, вплоть до начала 1880-х, А. И. Смальков является единственным жандармским офицером с такой фамилией в Российской империи. Он по-прежнему числится в Корпусе жандармов Самарской губернии, занимая со второй половины 1870-х гг. должность начальника Самарского губернского жандармского управления. 1 апреля 1879 г. он получает звание генерал-майора (см.: *Список генералам*: 993). Выходит в отставку 1 января 1885 г., получив очередное звание — генерал-лейтенанта. Похоронен на кладбище Самарского Иверского женского монастыря³².

Вернемся, однако, к тобольским событиям января 1850 г. Теперь с достаточной вероятностью можно утверждать, что именно жандармский капитан (штабс-капитан?) А. И. Смальков был тем лицом, который, выполняя поручение Н. Д. Фонвизиной, передал Достоевскому Новый Завет в издании Российского Библейского общества 1823 г. (первый полный перевод на русский язык), сберегавшийся писателем до последних дней его жизни, бывший его настольной книгой. Новый Завет, который мы традиционно именуем «каторжным Евангелием Достоевского». Но помощь Смалькова декабристам не ограничилась лишь этим.

В письме к брату мужа, не называя имени Смалькова, но, несомненно, имея в виду именно его, Наталья Дмитриевна также сообщает: «Жандармской Капитанъ» предложилъ даже М. А. (Фонвизину. — Е. М., Б. Т.) за рѣкою при отправленіи Дур<ова> и Достоев<скаго> имѣть съ ними свиданье и мы ѣздили» [Алексеева, Вяль: 59]. Комментаторами было отмечено (см.: [Захаров, 2012: 80]), что из этого места письма как будто следует, что во время свидания на зимней дороге с отправленными 20 января 1850 г. в Омскую крепость петрашевцами Наталья Дмитриевна Фонвизина была с мужем Мишелем, однако из другого источника достоверно известно, что ее сопровождала лишь Маша Францева, которая писала в своих воспоминаниях:

---

³²) Кстати, согласно данным Некрополя Самарского Иверского женского монастыря, на его кладбище был погребен «генерал А. И. Смольков» (Некрополь Самарского Иверского монастыря: 1851–1925 // Генеалогический форум ВГД [Электронный ресурс]. URL: <https://forum.vgd.ru/28/25465/0.htm> (22.06.2021). Это лишнее свидетельство о распространенной вариативности написания фамилий в XIX в.

«Узнав о дне их [Достоевского и Дурова] отправления, мы с Натальей Дмитриевной выехали проводить их по дороге, ведущей в Омск, за Иртыш, верст за семь от Тобольска. Мороз стоял страшный. Отправившись в своих санях пораньше, чтоб не пропустить проезжающих узников, мы заранее вышли из экипажа и нарочно с версту ушли вперед по дороге, чтоб не сделать кучера свидетелем нашего с ними прощанья; тем более что я должна была еще тайно дать жандарму письмо для передачи в Омске <...>. Вскоре из-за опушки леса показалась тройка с жандармом и седоком, за ней другая; мы вышли на дорогу и, когда они поравнялись с нами, махнули жандармам остановиться, о чем уговорились с ними заранее. Из кошевых (сибирский зимний экипаж) выскочили Достоевский и Дуров. <...> Мы наскоро с ними простились, боясь, чтобы кто-нибудь из проезжающих не застал нас с ними, и успели только им сказать, чтоб они не теряли бодрости духа, что о них там будут заботиться добрые люди. Я отдала приготовленное письмо к Пушкину жандарму, которое он аккуратно и доставил ему в Омске.

Они снова уселись в свои кошевые, ямщик ударил по лошадям, и тройки помчали их в непроглядную даль горькой их участи» (*Францева*: 628–629).

Эпизод этот хорошо известен, но в контексте нашей статьи он требует некоторых комментариев. Итак, сама идея этой встречи на зимней дороге была подсказана Наталье Дмитриевне жандармским офицером Александром Смальковым. Именно от него, скорее всего, Фонвизина и Францева узнали точное время отправки петрашевцев (согласно приведенному выше донесению И. Г. Корепанова, Достоевского и Дурова должны были отправить в час пополудни, но, по свидетельству М. Д. Францевой, кошевые с узниками появились позже расчетного времени³³). Более чем вероятно, что и с сопровождавшими петрашевцев низшими жандармскими чинами (из того же донесения мы знаем их по именам: унтер-офицер Филипп Короленко и рядовой Иван Насонов³⁴) дамы договаривались не самостоятельно, а при посредстве их прямого начальника — капитана Смалькова. Письмо, которое Маша Францева передала, вероятно, со старшим по команде, унтер-офицером Филиппом Короленко, было адресовано инспектору классов Сибирского кадетского корпуса подполковнику Ивану Викентьевичу Ждан-Пушкину³⁵ и содержало просьбу помочь по возможности облегчить участь

³³ «Долго нам пришлось прождать запоздалых путников; не помню, что задержало их отправку, и 30-тиградусный мороз порядочно начинал нас пробирать в открытом поле» (*Францева*: 628).

³⁴ Впервые имена этих жандармов были названы А. Э. Лейфером; см.: [Лейфер, 1984], [Лейфер, 1996: 209, примеч.].

³⁵ В «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» подполковник И. В. Ждан-Пушкин произвольно представлен как «генерал-майор» [Летопись: 180]. Чин генерал-майора он получит лишь в 1862 г.

Достоевского и Дурова, что Ждан-Пушкин и сделал, пользуясь своим влиянием в Омске³⁶⁾.

В том, что состоялась эта историческая встреча на заснеженной дороге под Тобольском, которая с необходимостью вошла почти во все жизнеописания писателя³⁷⁾, а также в том, что с первых же дней заключения в остроге Достоевский и Дуров получили в Омске влиятельных заступников, немалая заслуга жандармского офицера Александра Ивановича Смалькова.

А что же Иван Гаврилович Корепанов? В «Выдержках из записок ссыльно-каторжного» Ф. Н. Львов так писал о судьбе смотрителя Тобольского тюремного замка: «Этот старичок был искренно привязан к тюрьме <...> до такой степени, что, когда его исключили из службы, он всякий день посещал свою любимицу-тюрьму и умер с горя, как бы сказал историк Кайданов» (Львов: 126). Реальный ли это факт или художественный вымысел, еще предстоит установить³⁸⁾.

Источники

Адрес-календарь — Адрес-календарь: Общий штат Российской империи, 1850: в 2 ч. [СПб., 1850]. Ч. 1. [2], X, IV, 32, 240, 45, IV с.; Ч. 2. [4], 180, II с.

Биография — Биография, письма и заметки из записной книжки. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1883. 332, 375, 122, V с.

Достоевская — Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой, Б. Н. Тихомирова. М.: Бослен, 2015. 768 с; ил.

Д30 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Львов — Львов Ф. Н. Выдержки из воспоминаний ссыльно-каторжного. Гл. I–II // Современник. 1861. № 9. Отд. I. С. 107–127.

Маркевич — А. М. (Маркевич А. И.) К воспоминаниям о Ф. М. Достоевском [М. Г. Мейера] // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 50–51.

³⁶⁾ Подробнее см.: [Громыко: 5–25].

³⁷⁾ Парадоксальным образом в биографии Достоевского, написанной Ю. Селезневым и несколькими изданиями выпущенной в серии «Жизнь замечательных людей», в этой сцене прощания на зимней дороге вместе с Н. Д. Фонвизиной участвует не Маша Францева (из воспоминаний которой мы и знаем об этом эпизоде), а... Прасковья Егоровна Анненкова. Нет в этом жизнеописании Достоевского и встречи в квартире смотрителя острога: Фонвизина и Анненкова дарят каждому из петрашевцев по Евангелию, добившись свидания с ними в камере острога (см.: [Селезнев: 144]).

³⁸⁾ Во всяком случае опущенные нами в этой фразе слова о «тюрьме, в которой он прокомандировал чуть ли не тридцать лет», действительности не соответствуют. Напомним, что И. Г. Корепанов до 1843 г. служил в Тобольске квартальным надзирателем, а должность смотрителя тюремного замка отправлял лишь с 1844 г.

Милюков — Милюков А. П. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 259–290.

Список генералам — Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е Декабря. СПб., 1879. [2], XXVII, 1054 с.

Список майорам — Список майорам по старшинству. Исправлено по 13-е Марта. СПб., 1861. [2], XLIV, 592 с.

Францева — Воспоминания М. Д. Францевой. Гл. IV–V // Исторический вестник. 1888. Т. 32. № 6. С. 610–640.

Список литературы

1. [Алексеева Л. В., Вяль Е. Н.] Из писем Н. Д. Фонвизиной (1850–1853): Письмо Н. Д. Фонвизиной к И. А. Фонвизину от 18–22 мая 1850 года / подгот. текста и публ. Е. Н. Вяль, примеч. Л. В. Алексеевой // *Неизвестный Достоевский*. 2015. № 2. С. 54–69 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754924.pdf (10.06.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2465
2. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь: в 2 т. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 1: [А–К]. 572, [1] с.; Т. 2: [Л–Я]. 540, [1] с.
3. Громько М. М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского, 1850–1854 гг. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1985. 168 с.
4. Гроссман Л. Гражданская смерть Ф. М. Достоевского. Материалы Центрального военно-исторического архива о петрашевцах и Достоевском // *Литературное наследство* / под ред. П. И. Лебедева-Полянского. М.: Жур.-газ. объединение, 1935. Т. 22/24. С. 683–736.
5. Житомирская С. В. Встречи декабристов с петрашевцами // *Литературное наследство*. М.: АН СССР, 1956. Т. 60: Декабристы литераторы. Кн. 1. С. 615–629.
6. Захаров В. Н. Достоевский в Тобольске // *Тобольск и вся Сибирь. 425 лет Тобольску*. Тобольск, 2012. Альманах № 18. С. 67–85.
7. Захаров В. Н. Кто подарил Достоевскому Евангелие в январе 1850 года? // *Неизвестный Достоевский*. 2015. № 2. С. 44–53 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754621.pdf (10.06.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2464
8. Лейфер А. Э. Записка Марии Францевой // *Вечерний Омск*. 1984. 4 янв.
9. Лейфер А. Э. «Вокруг Достоевского» и другие очерки: к 175-летию писателя. Омск: Ком. по культуре и искусству Администрации Омской обл., 1996. 215 с.; ил.
10. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1821–1881: в 3 т. / под ред. Н. Ф. Будановой и Г. М. Фридлендера. СПб.: Академический проект, 1993. Т. 1: 1821–1864 / сост. И. Д. Якубович, Т. И. Орнатская. 544 с.
11. Сараскина Л. И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2011. 825, [7] с., ил. (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр.; вып. 1320).
12. Селезнев Ю. И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1981. 543 с. (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр.; вып. 16 (621)).
13. Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. СПб.: Тип. М. А. Стасюлевича, 1899. 347 с.

References

1. Alekseeva L. V., Vyal' E. N. From Letters of N. D. Fonvizina (1850–1853): N. D. Fonvizina's Letter of May 18–22, 1850 to I. A. Fonvizin. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2015, no. 2, pp. 54–69. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754924.pdf (accessed on June 10, 2021). (In Russ.)
2. Belov S. V. F. M. *Dostoevskiy i ego okruzhenie: entsiklopedicheskiy slovar': v 2 tomakh* [F. M. Dostoevsky and His Ambience: *Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols*]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001, vol. 1. 572 p.; vol. 2. 540 p. (In Russ.)
3. Gromyko M. M. *Sibirskie znakomye i druz'ya F. M. Dostoevskogo, 1850–1854 gg.* [*Siberian Acquaintances and Friends of F. M. Dostoevsky, 1850–1854*]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1985. 168 p. (In Russ.)
4. Grossman L. F. M. Dostoevsky's Civil Death of. Materials of the Central Military Historical Archive About the Petrashevsky Circle, and Dostoevsky. In: *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*]. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie Publ., 1935, vol. 22/24, pp. 683–736. (In Russ.)
5. Zhitomirskaya S. V. Meetings of the Decembrists with the Petrashevists. In: *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*]. Moscow, 1956, vol. 60, book 1, pp. 615–629. (In Russ.)
6. Zakharov V. N. Dostoevsky in Tobolsk. In: *Tobol'sk i vsya Sibir'. 425 let Tobol'sku* [*Tobolsk and All Siberia. 425 Years of Tobolsk*]. Tobolsk, 2012, almanac no. 18, pp. 67–85. (In Russ.)
7. Zakharov V. N. Who Presented the Gospel to Dostoevsky in January 1850? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2015, no. 2, pp. 44–53. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754621.pdf (accessed on June 10, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2464 (In Russ.)
8. Leyfer A. E. Note of Maria Frantseva. In: *Vecherniy Omsk*, 1984. 4 January. (In Russ.)
9. Leyfer A. E. «Vokrug Dostoevskogo» i drugie ocherki: k 175-letiyu pisatelya [“Around Dostoevsky” and Other Essays: to the 175th Anniversary of the Writer]. Omsk, Komitet po kul'ture i iskusstvu Administratsii Omskoy oblasti Publ., 1996. 215 p. (In Russ.)
10. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo, 1821–1881: v 3 tomakh* [*The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works, 1821–1881: in 3 Vols*]. St. Petersburg, Akademicheskiiy proekt Publ., 1993. T. 1: 1821–1864. 544 p. (In Russ.)
11. Saraskina L. I. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2011. 825 p. (The Life of Wonderful People. Series Biographies; issue 1320). (In Russ.)
12. Seleznev Yu. I. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1981. 543 p. (The Life of Wonderful People. Series Biographies; issue 16 (621)). (In Russ.)
13. Chistovich I. A. *Istoriya perevoda Biblii na russkiy yazyk* [*A History of the Translation of the Bible into Russian*]. St. Petersburg, Tipografiya M. A. Stasyulevicha Publ., 1899. 347 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Маскевич Екатерина Дмитриевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Российский государственный исторический архив (РГИА) (пр. Заневский, 36, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 195112); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8054-1813>; e-mail: spb-collects@yandex.ru.

Тихомиров Борис Николаевич, доктор филологических наук, президент Российского общества Достоевского, заместитель директора по научной работе, Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге (пер. Кузнечный, 5/2, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191002); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5278-313X>; e-mail: btikhomirov@rambler.ru.

Ekaterina D. Maskevich, PhD (History), Leading Researcher, The Russian State Historical Archive (pr. Zanevskiy 36, Saint Petersburg, 195112, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8054-1813>; e-mail: spb-collects@yandex.ru.

Boris N. Tikhomirov, PhD (Philology), Deputy Director of Academic Affairs, The F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum in St. Petersburg, the President of the Russian Dostoevsky Society (per. Kuznechnyy 5/2, Saint Petersburg, 191002, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5278-313X>; e-mail: btikhomirov@rambler.ru.

Поступила в редакцию / Received 01.07.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 01.08.2021

Принята к публикации / Accepted 20.08.2021

Дата публикации / Date of publication 15.09.2021